

Литургия как один из ключевых уровней самоидентификации церкви

© С.Н. Самойленков, 2011

Сергей САМОЙЛЕНКОВ, *Санкт-Петербург, Россия*

Введение

Самойленков Сергей Николаевич закончил в 1996 г. магистерскую программу в области богословия в ЕААА. В 2002 г. закончил магистерскую программу по миссиологии в ЮНИСА, ЮАР. С 2010 года возглавляет кафедру Практического богословия и Высшей Школы Лидерства (ВШЛ) СПбХУ. Пастор церкви ЕХБ. Область деятельности сосредоточена в области практического богословия.

Множество религий, деноминаций, всевозможных ответвлений и толков в наше время уже никого не удивляют, кроме как вносят неразбериху и путаницу в сознание людей. Христианский мир весьма пестр. Но характерно то, что люди осознанным и неосознанным образом приобщаются к различным церквям, как правило, относящимся к какой-нибудь из конфессий, и становятся частью этого сообщества. Их самоидентификация напрямую связана с церковью. Можно обнаружить ряд ключевых причин присоединения к одной из церквей (даже внутри одной конфессии). Ими могут быть и семейная преемственность, и патриотические чувства, и географические факторы, и духовно-эстетические особенности, и т. д. Но самое сильное влияние на выбор церкви, бесспорно, оказывает само богослужение. И действительно, знакомство будь-то с конфессией или отдельно взятой церковью, будет не полным, если оно ограничится изучением вероучения и историческими исследованиями. Полная картина со всеми ее оттенками откроется благодаря пониманию и наблюдению богослужebной практики, литургии, на которых непременно необходимо побывать, что воочию поможет увидеть и почувствовать сам дух и атмосферу происходящего, вопреки, может быть, всевозможным предпосылкам и предвзятостям. Эта необходимость обусловлена тем, что очевидные факторы, элементы богослужения, помогут обозначить критерии, признаки (как необходимый материал) идентификации церкви. Да и сами представители, члены церквей, рассказывая о своей церкви, с целью поближе познакомить заинтересовавшихся людей и передать самую суть жизни и веры церкви, больше ссылаются на практику богослужения и приглашают своих собеседников побы-

вать на них, особенно на каком-либо из праздников (как правило, самые многочисленные богослужебные собрания проходят на праздники). Это явление не случайное. Оно имеет место быть далеко не потому, что не все компетентны в жизни своей церкви или не могут убедительно излагать основы веры и из-за этого отдают приоритет внешним, видимым действиям происходящим во время богослужения (за которыми, кстати, не просто выявить вероучительный момент), затрагивающих и разум, и чувства. А потому, что, действительно, во время богослужения (литургии) церковь соборным, регламентированным и очевидным образом раскрывает свои взаимоотношения с Богом, провозглашая и актуализируя веру. Более того, *посредством литургии ее чина (их частей и форм) происходит самоосмысление церкви, ее самоидентификация.*

С другой стороны, наблюдается и противоположное явление, ставшее всеобщим и повсеместным, о котором нельзя умолчать – переход (миграция) людей из церкви в церковь или же в другие конфессии. Распространена и практика перетекания в другие конфессии, не только в частном порядке, но и целыми группами. Даже служители, занимавшие важные посты в своей церкви, переходят в другие конфессии и продолжают нести там служение, иногда в том же статусе (речь идет о регентах, проповедниках, пасторах). Возникает ряд вопросов. Неужели так легко поменять годами, а может быть и десятилетиями складывающиеся убеждения, учение, традиции, круг знакомых людей? Почему происходят такие резкие, кардинальные перемены? Как их объяснить? На каприз, неудовлетворенность, амбиции, гордость, конфликтность, непосто-

янство, безответственность «перебежчиков» здесь не списать. Иначе это будет крайне поверхностное, самоуспокаивающее, популистское объяснение, не приводящее к исчерпывающему ответу. Наш взгляд причины происходящего кроются в более глубоких слоях – в том числе и в области самоидентификации церкви. Об этом более подробно и пойдет речь, т.е. о литургии как самоидентификации церкви, ее специфичной особенности, природе и о связанном с ней механизме происходящих явлений. Посредством термина «идентификация», исследованных областях и уровнях ее выражения, устоявшихся общепринятых понятийных норм будет сделана попытка понять и объяснить происходящие процессы в жизни церкви. Важность и полезность данного вопроса невозможно переоценить. Потому что очевидно, что в человеке заложена потребность быть причастным к группам, обществам себе подобным. А организации и сообщества не способны полноценно реализовать себя в жизни, привлечь внимание к себе со стороны, или достичь поставленных целей до тех пор, пока не произойдет самоидентификации на всех ее уровнях (как идеальный вариант). Через идентификацию церковь представляет себя обществу. Незнание закономерностей самоидентификации может деструктивно сказаться на жизни церкви, ввергая ее в паническое, хаотичное, маргинальное и в подобного рода состояния. Нам предстоит проделать непростую работу, по той причине, что церковь есть и организм, и организация. Говоря о природе церкви, в определении ее сущности и осмыслении происходящих внутри процессов, мы не можем игнорировать общепринятыми положениями и нормами в сфере

самоидентификации. С другой стороны, рассмотрение предмета самоидентификации церкви (в литургической практике) в психо-социальной плоскости будет весьма ограниченным и обеднит палитру жизни и природы церкви. Литургическая практика церкви как раз есть та точка, тот аспект, который соединяет в себе и человеческую, и духовную области в видимых богослужебных действиях и помогает как отдельно взятым людям, так и церкви в целом самоидентифицироваться. Литургия – это тот срез жизни церкви, где прилагаются наибольшие усилия – затрата физических, материальных и духовных ресурсов. Благодаря концентрации церковного потенциала в литургической точке люди получают первый опыт соприкосновения с церковью и последующие укрепляющие связи с ней и в последствии принимают осознанное, взвешенное решение приобщиться к ней.

1. Идентичность

1.1. Общее понятие

Сегодня термин «идентичность», что значит «быть тождественным, полностью совпадать»^[1] используется не только в психологии, социологии, но все чаще встречается в других областях, как то: в криминалистике, культурологии, религиоведческой сфере. Смысл и значение этого слова помогает выразить и сделать попытку осознать самую суть ключевого вопроса бытия человека. И хотя термин «идентичность», благополучно перекочевав из специфичной на-

учной среды в повседневный лексикон, стал общеупотребительным, обиходным, тем не менее есть необходимость в уточнении правильности его применения и понимания вообще. Этот термин взят из психологической литературы, а само понятие «идентификация» было введено основателем современного психоанализа Зигмундом Фрейдом (он придавал особое значение психосексуальному созреванию личности, проходящей пять стадий) и прочно закрепилось в психоаналитической традиции. Американский ученый психотерапевт, причисляемый к неофрейдистской традиции (психоаналитическая традиция) Э. Эриксон вводит понятие «психосоциальная идентичность» (приобретение эго-идентичности, вокруг которого под влиянием культуры и общества строится личность), суть которого сводится к значимым личным установкам человека, развитие которого проходит через восемь стадий и соответственно через восемь кризисов или конфликтов.^[2] Если говорить обобщенно, то в психологической традиции под идентификацией понимается процесс взросления, механизм, способствующий самореализации *Я*. Благодаря тому, что, например, ребенок, подросток или уже взрослый человек подражая (копируя) родителям или какому-либо авторитету, кумиру, он *отождествляет* себя с ними и начинает воспроизводить их действия, слова, образ мышления. Таким образом, посредством понятий *идентичность, самореализация, эго* рассматриваются процессы личных установок человека по от-

^[1] См. Словарь Русского языка. Т.1. М., 1981. Есть и другие более подробные определения, вот одно из них: «Идентификация – это процесс неосознаваемого отождествления себя с другим субъектом, группой, образцом, идеалом». Выявлено, что «идентификация» и «самоидентификация» в со-

временном русском языке используются как синонимы.

^[2] См. Грейс Крайг. Мастера психологии. Психология развития. – СПб-Москва-Харьков-Минск, 2002. С.84-92.

ношению к самому себе и выкристаллизовывания самосознания. Идентичность играет роль фундамента личности, когда человек начинает ясно осознавать свою роль и место в жизни, получает представление о самом себе, чтобы реализовать себя в обществе.

1.2. Практичность самоидентификации

Вопросу идентификации личности как одному из ключевых вопросов понимания происходящих процессов в жизни, посвящено немало разноплановых трудов. В статье М.А. Щербакова «Модель уровней самоидентификации личности»^[3] содержится материал, который поможет нам, отталкиваясь от общих положений, по аналогии рассмотреть закономерности и уровни самоидентификации как поместных церквей, так и целых конфессий.

Во-первых, автор уточняет определения идентификации, что немаловажно для нашего дальнейшего рассмотрения вопроса: *позитивная*, т. е. прямое утверждение («я – христианин», «я – спортсмен», «я – житель этого города»), *негативная*, т. е. прямое отрицание («я – не водитель», «я – не атеист», «я – не пастор») и *инверсная*, когда декларируется прямое утверждение, но на самом деле подразумевается что-то негативное («я – скрипач», что может по контексту означать, что он не певец). Это важный момент,

поскольку очень часто делаемые попытки идентифицировать церковь сводятся к негативной идентификации,^[4] что может говорить о незнании или непонимании фундаментальных основ церкви, даже может быть и веры.

Во-вторых, представлены семь уровней самоидентификации: социально-профессиональный, семейно-клановый, национально-территориальный, религиозно-идеологический, эволюционно-видовой, половой и духовный. И дается объяснение действия механизма уровней самоидентификации.

а. Уровни самоидентификации

Уровни самоидентификации расположены в определенной последовательности по степени оказания их влияния на личность и подверженности влиянию на них самих внешних факторов. То есть, чем выше уровень, тем сильнее он подвергается воздействию окружающих условий и быстрее реагирует на их изменения и непосредственное воздействие на поведение человека и его отношения с окружающими. Например, социально-профессиональный уровень идентификации более всего подвержен влиянию внешних условий, что соответственно сказывается на поведении человека.^[5]

По-другому выглядит картина на седьмом уровне (согласно рассматриваемой теории), на духовном. Это самый стабильный уровень, потому что духов-

^[3] www.ipd.ru/articles/identhttp://ww_article_2.shtml

^[4] Нередко случается так, что когда верующих евангельских церквей спрашивают о церкви, кто они такие, то в ответ звучат объяснения, построенные на отрицании: «мы не имеем икон, не целуем руку священнику, или мощи, не крестимся, не ведем богослужение на непонятном языке» и т.д.

^[5] Поскольку, социально-профессиональный уровень определяет статус человека, то он очень

важен для формирования самооценки и самореализации. Не случайно титанические усилия направляются на получение образования в самых престижных вузах, на устройство в престижную фирму с высокой зарплатой и т. д. И когда происходит, например, потеря работы - уровень жизни снижается, возможности ограничиваются, падает авторитет, то здесь наступает депрессия, разочарование, иными словами – кризис самоидентификации.

ный стержень имеет другую природу. И поскольку он больше ориентирован не на внешнюю связь, а на внутреннюю, то внешние факторы не оказывают таких деформационных воздействий, как на первый, так и второй и третий уровни.

Самоидентификация может быть сосредоточена на одном-двух уровнях (церковь или работа, семья), что в целом упрощает жизнь. Но с другой стороны, нет целостной, органичной и сбалансированной системы, что обедняет личность, организацию, народ. Знание этих закономерностей поможет нам в последующем определить причины уязвимости определенных сторон в жизни церкви и лучше понять динамику ее развития.

б. Моральная составляющая

Моральный аспект тесно связан с самоидентификацией, потому что поддержание идентификационного статуса обеспечивается моральными нормами, и таким образом, они взаимозависимы. Например, должностное лицо в отличие от подчиненных должно держать себя в определенных рамках поведения в силу самоидентификации (президент, пастор, учитель и т.д.), что помогает закрепить необходимый должностной статус. Но здесь, как подчеркивает автор статьи, скрывается опасность, потому что с кризисом самоидентификации происходит падение моральных ценностей.^[6] Это происходит, потому что моральные ценности обусловлены не внутренним духовным опытом и ориентирами, а соответствующей идентификацией, которая подвержена сильному воздействию

внешней среды и обстоятельств. Сила духовного уровня в том, что создается баланс моральных норм и духовных принципов. Как пример, общеизвестный факт оказания влияния протестантской этики на разные сферы жизни западных стран, в частности в области бизнеса.

Данное положение очень важно для нашего дальнейшего рассмотрения и выявления закономерности процессов идентификации церкви в литургической практике.

в. Кризис самоидентификации

Самоидентификация личности проходит через кризисы. Конечно же кризисы самоидентификации, возникшие по причине социально-экономических потрясений могут носить и массовый характер. В силу того, что в обществе происходит множество всевозможных перемен, катаклизмов, то естественно, как следствие, будут возникать кризисы самоидентификации, особенно на верхних уровнях. Также кризисы самоидентификации происходят в связи с возрастными изменениями. В итоге за всю жизнь их может быть много. Кризисы могут затрагивать один или сразу несколько уровней. В определенных пределах кризисы приводят к более четкой и устойчивой структуре самоидентификации. Поэтому не следует принимать кризисы как что-то катастрофичное и обреченное, но их можно рассматривать как начало новой перспективы и более качественное осознание реальности.

Что происходит, когда случается кризис идентификации на одном из уровней? Например, кто-то отправлен на пенсию в силу возраста, кого-то не переизбрали в пасторы, у кого-то выросли дети и разъехались, а все родительские усилия были сконцентрированы

^[6] К сожалению, известны случаи, когда сотрудники правоохранительных органов, потеряв работу, переходят на более оплачиваемую работу в криминальные структуры.

именно на них и т.д. Как правило, усилия (акцент) перемещаются на близлежащие уровни. Это один из способов решения кризиса. Отправленный на пенсию человек, будет больше внимания уделять семье; не переизбранный пастор, наконец, поправит свое финансовое положение, найдя хорошую работу; родители от которых разъехались дети больше внимания будут уделять благотворительности и может быть больше времени будут уделять служению в церкви. Главное – не сделать вид, что ничего не произошло. Во время кризисов идентификации (особенно в период бурных социо-культурных изменений), затрагивающих один и более уровней, происходит, разброд, расслоение общества по причине ослабления моральных норм, потери идентичности и как следствие утери смысла жизни. Кто-то не имеет больше мотивации держаться высоких стандартов, а кто-то, наоборот, рассматривает происходящие перемены как вызов и не идет на компромисс.

г. Жесткость структуры самоидентификации

Жесткость структуры самоидентификации создает упрощенный вариант взаимодействия с ней. Здесь много не приходится думать, принимать какие-либо решения – все уже решено, регламентировано. Многим людям нравится, когда все прописано, обусловлено. Например, если в поместной церкви категорично прописан закон об употреблении алкогольных напитков, то не возникает и вопросов о культуре распития. Член церкви идентифицирует себя в соответствии с установленной нормой. Если на богослужении допустим традиционный вариант музыкального служения (хор), то не идет дальше речи об альтернати-

вах и вытекающих вопросах (допустимы ли ударные инструменты, какой стиль музыки приемлем и т.д.). Но с другой стороны крушение уровня идентификации с жесткой структурой приносит более болезненные и ощутимые последствия кризиса идентификации.

1.3. Моделирование уровней самоидентификации поместной церкви

По аналогии с рассмотренной моделью «уровней самоидентификации» и ее механизмом действия мы попытаемся наметить уровни самоидентификации поместной церкви и распределить их в определенной последовательности, что поможет выявить закономерные явления в самоорганизации церковной жизни, ориентированной на заложенные стереотипы, что по сути и является самоидентификацией. Еще раз отметим, что поскольку автор данной статьи является пастором баптистской церкви, то соответственно предлагаемая модель будет ориентирована на баптистскую традицию поместной церкви. Предлагаемая модель не претендует на абсолют и допускает спорные моменты. Но без выявления этих уровней (а в идеальном случае они гармонично взаимодействуют) невозможно говорить о самоопределении, самоидентификации и эффективной самореализации церкви. Идентичность одного уровня не дает полной картины. Нельзя говорить об идентичности церкви, беря, например, только вероучительный аспект, и затем делать обобщающие выводы. В последнее время в среде ЕХБ немало говорится об идентичности баптистов. Научно-практическая конференция, посвященная 105-летию легализации русского баптизма (формирование идентичности

российского евангельского движения) еще раз показала остроту этого вопроса. В обозначенной дискуссии проблема состояла в том, что делалась попытка обусловить идентичность баптистов по одному из уровней. С одной стороны был поставлен акцент на традиционнo-исторический аспект, с другой — на вероучительный (семь принципов баптизма).^[7] Но по кризису идентичности в одном уровне нельзя делать заключение о кризисе идентичности вообще.

Итак, предлагаемые уровни идентичности выглядят следующим образом:

1. литургия;
2. практическое христианство (этика, диакония, общение, миссионерство, семья...);
3. вероучительные основы (в том числе и семь принципов баптизма);
4. исторический базис;^[8]
5. образовательная платформа;
6. личная духовная жизнь.

Последовательность уровней имеет свою закономерность. Она определена по признаку влияния на динамику и активность церковной жизни, где наибольшим образом сконцентрированы силы церкви, особенно направленные на богослужебную деятельность, подготовка к которым проводится в течение недели и более всего реагирует на внешние и внутренние факторы. Например, могут обсуждаться вероучительные неоднозначные позиции (в нашем случае это 3-ий уровень) по вопросам безопас-

ности спасения, тысячелетнего царства, объяснения Троицы, дихотомии или трихотомии или о важности семи принципов. Но как показала практика, нужно приложить «уж» много усилий, чтобы вывести церковь из равновесия.^[9] В наших церквях достаточно толерантности, до тех пор пока не затрагивается видимая, духовно-практическая часть жизни церкви. Могут быть долгие дискуссии на тему употребления алкоголя и будут допущены различные точки зрения, но если кто-то из служителей начнет практиковать употребление алкоголя, то последуют дисциплинарные меры. Но если происходят незначительные перемены в литургической практике (вместо хора будет петь группа прославления или вместо трех-четырех проповедей станет две), то это замечают все и начинается реакция, вплоть до того, что некоторые верующие, не желая отождествлять себя с «отступнической» церковью, уходят в другие. Можно было бы провести уточнение по каждому уровню, но остановимся кратко на последнем «личная духовная жизнь». В идеальном варианте по всем этим уровням должна быть выстроена гармоничная картина, устрояемая на духовной канве.

Идентификация по всем уровням определяет целостный взгляд. Более того, эти уровни взаимозависимы. И если происходит кризис идентичности на одном из уровней, акцент деятельности и осмысления может быть перемещен на

^[7] См. П.В. Кирилловых. Кризис идентичности у евангельских христиан-баптистов: четвертый принцип баптизма и появление епископальной формы церковного управления // Ред.-сост. Н.А. Белякова, А.В. Синичкин. 105 лет легализации русского баптизма. – М., 2011. С.45-46.

^[8] См. А. Пузынин. Традиция евангельских христиан: анализ самоидентификации (1874-2008) //

Ред.-сост. Н.А. Белякова, А.В. Синичкин. 105 лет легализации русского баптизма. – М., 2011. С.16-23.

^[9] Происходят такие курьезные случаи, когда во время одного богослужения, с одной кафедры в проповедях звучат противоположные позиции по тем или иным вопросам.

ближайший. Говоря о последнем уровне, предполагается духовный базис церкви, выражающийся посредством духовного опыта и состояния отдельно взятых верующих. Этот уровень более всего стабилен и, прежде всего, благодаря Божьей созидательной работе («Я создам Церковь, и врата ада не одолеют ее»). История церкви красноречиво показывает нам внутреннюю силу церкви, когда казалось бы все порушено, но находятся «Илии», служители особого духа, «семь тысяч не поклонившихся Ваалу», «Яны Гусы», «Лютеры», «Капустинские» и т.д. При определении идентичности наших церквей этот уровень, хотя он и трудно измеримый (но все же ощущаемый), ни в коем случае нельзя терять из поля зрения. Однако же доминантный уровень идентичности поместной церкви, на наш взгляд, является литургия, о чем и пойдет речь в последующих разделах.

2. Природа церкви

Поскольку речь идет о самоидентификации церкви в литургической практике, то следует обратить внимание на ее сущность и уникальную природу, самоосознание и самовыражение, как следующей определенному образцу, подражая и отождествляя себя с великим идеалом и пытающейся являть миру свет Христов.

Под церковью, на основании Писания, ряда указующих непосредственных текстов, прежде всего, понимается собрание людей, главою которых является Христос. Церковь Христа выражает себя через сеть, так называемых поместных церквей, которые и составляют

Вселенскую Церковь. Трудно представить процесс приобщения к телу Христа, минуя поместную церковь. Безусловно, что есть ряд факторов способствующих тому, что человек становится членом или прихожанином определенной церкви, конфессии.

Мы уже говорили об определении человека в выборе той или иной церкви. Как показала практика, что наибольший приток людей в церкви происходит в периоды политических, социально-экономических потрясений или личных жизненных кризисов, когда человек раздавлен системой, ощущает унижение своего достоинства, беспомощность. Наступил кризис самоидентификации. Тогда начинается поиск нового сообщества, с которым он хочет идентифицировать себя. В церкви же, как одном из сообществ, он видит инаковость – качественно другую природу, свойства, иные единые устремления, идеалы – и приобретает новую идентичность. Так почему же церковь отлична от других сообществ, едина и целеустремленна и тем самым привлекательна?

Общеизвестно, что лексема церковь (*эклесиа*), т. е. собрание проистекает от греч. глагола (*еккалео*), что значит вызываю, призываю. Оно заимствовано из свесткой среды, и в греческом контексте означало народное собрание. В Септуагинте это слово в основном употребляется в религиозном контексте (Втор. 9:10, Суд. 20:2 и т. д.). Из Септуагинты оно перешло «в употребление древней церкви как ее самоназвание и переводится в русском Синодальном переводе «церковь».^[10] Сам Христос использует слово *эклесиа*, которое в евангелии всего три раза используется у Матфея (16:18, 18:17).

^[10] См.: А. Шмеман. Литургия и предание. – Киев, 2005. С.14.

Нужную нам картину динамики церкви и ее миссионерской константы наглядно показывает В. Болотов, рассматривая смысл и актуальность слова «эклесия» в историко-культурном ключе. Он пишет:

Эклесия – антитеза Булэ (совет). Высший класс – архонты – участвовал в Булэ. Для совместного обсуждения дел, когда Булэ, совет старцев, признавал дело выходящим за пределы своей власти, посылался кэрюкс - герольд, который приглашал народ собраться. Таким образом высшая инстанция государственной власти состояла в том, что «делали церковь»... Этот смысл слова эклесия дал повод к созданию особой терминологии в Новом Завете.^[11]

То есть речь идет об актуализации эклесии, как народного собрания, приглашенного советом старейшин для решения неотложных вопросов. Эклесия, как явление, обозначало момент самого собрания. Ее осязаемая сущность была временной. И когда собрание расходилось исчезала и эклесия. И далее Болотов просматривает отличительный момент качественно новой эклесии, созданной Христом:

В объеме понятий эклесия... мыслится весь народ. Кто не участник эклесии, тот не политэс... Христиане как участники церкви, «сограждане святым» (Еф. 2:19).^[12] В основанной Христом церкви заключается характер всеобщности; в ней нет аристократического момента, как было в афинском буле. В обыкновенной жизни эклесия собирается редко и при распущении собрания она как будто бы исчезает...

Римский народ в своей совокупности назывался *Populus Romanus Quiritum* (*kletos=quires*). Квирилом римлянин назывался только тогда, когда он исполнял политические обязанности, в противном случае он рассматривался как простой гражданин. Христос же основал общество *никогда* не расходящееся и *kletos* всегда должен исполнять свои обязанности.^[13]

Мы сегодня говорим о той церкви, которую создал Христос, которая всегда на марше, которую врата ада не одолеют. Ей не надо актуализироваться по определенным исключительным случаям. Церковь есть Тело Христово. Поэтому беспочвенны суждения, что церковь актуализируется когда она соборна, проводит литургию. То есть посредством культа (литургических действий) происходит переход от профанного, земного, грешного к сакральному, горнему миру – соединение земного с небесным. Новая природа эклесии упраздняет культ и использует ее в новом, в более величественном качестве. Александр Шмеман подчеркнул эту особенность следующим образом:

...христианская *leitourgia* возникла не как культ. Она не была культом, потому что в *ecclesia* – «царственном священстве», «святом народе», «людях взятых в удел» – упразднилось различие сакрального и профанного, составляющее необходимое условие культа. Церковь – не просто группа людей, община, которая «освящается» через культ. По сути своей Церковь есть присутствие, актуализация в этом мире «мира грядущего»... Поэтому *leitourgia*

^[11] В. Болотов Собрание церковно-исторических трудов. Т.2. – М.: Изд. Спасо-Преображенского Валакаламского Ставропигиального монастыря. С.13.

^[12] Эклесия была настолько важна, что в практике афинского сообщества на непришедшего на собрание налагался штраф. см. там же. С.15

^[13] Там же. С.15.

– не культовое действие, совершаемое в церкви ради самой Церкви, это действие самой Церкви, или Церкви *in actu*, это само выражение ее жизни.^[14]

Итак, следует еще раз отметить, что Церковь (*эклесиа*), как новое творение во Христе, как тело Христово имеет новую природу – постоянно нуждающуюся в Боге, и пребывающую в Нем. Эта Церковь, которая имеет задание на все времена для всех поколений, «общество никогда не расходящееся» и всегда исполняющая свои обязанности (Мф. 28:19-20). А посредством литургии она только подчеркивает, выражает свою природу и призвание. Поэтому литургия тесно связана с эклесиологическими вопросами и служит ярким выразителем ее идентичности.

3. Литургия

3.1. Краткий исторический экскурс

Одной из ключевых тем, исследуемых в 20 веке была литургия.^[15] А литургическое движение на Западе определило целый период жизни Католической Церкви с 1832 по 1969 годы, завершившийся II Ватиканским собором – самой крупной литургической реформой (литургическое возрождение) в истории Католической Церкви.^[16] Что впоследствии породило массу обсуждений в самых раз-

личных форматах, вплоть до споров.^[17] В евангельском сообществе также происходили процессы, затронувшие литургико-эклесиологическую область, последствия которых переживают церкви сегодня в том числе и в России. На современном этапе проблематика литургии продолжает осмысляться в научно-практическом ключе. Не утихают дискуссии между сторонниками традиционного стиля поклонения и «нового» или «движения хвалы и поклонения». Движение хвалы и поклонения считало, что утерян элемент хвалы и отделяли хвалу от богослужения. Более подробно об этом говорит Роберт Уэббер.^[18]

Хотя Роберт Уэббер говорит, что происхождение традиции хвалы и поклонения не совсем ясно,^[19] Питер Мастерс дает справку об истоках и зарождении современного стиля поклонения в конце 60-х и начале 70-х годов:

«Новый стиль» берет свое начало в Калифорнии, где в конце 60-х многие хиппи обратились ко Христу и стали называть себя «Джисес пипл» (народ Иисуса). Они стали употреблять на своих собраниях тот стиль музыки, который был им привычен из жизни хиппи. В то время образовались разные Христианские течения, поддерживающие такую практику, в частности известное течение «Кэлвери Чепэл» (Церкви Голгофы).^[20]

^[14] А. Шмеман. Богослужение и предание. – М.: Паломник, 2005. С.14-15.

^[15] В. Вакушнович задает риторический вопрос: «Если бы мы предприняли статистическое исследование богословских текстов православных теологов второй половины 20 века и, подсчитав частоту употребления терминов, выявили приоритетные темы, то каким получился бы результат...? Безусловно одним из часто встречающихся понятий в этих текстах является понятие *литургия*». См. В. Вакушнович. Литургическое возрождение

в 20 веке. Христианская Россия, 2005. С.6.

^[16] Там же. С.7.

^[17] В. Жардин Грисбрук и Александр Шмеман вели непростую дискуссию по тематике литургической реформы. См. А. Шмеман. Литургия и предание. – Киев, 2005. С.43-62.

^[18] Роберт Уэббер. Поклонение прежде и теперь. – СПб.: Библия для всех, 2003. С.119-123.

^[19] Там же. С.119.

^[20] Питер Мастерс. Богослужение: библейское и современное. Метрополитен Табернакл, 2001. С.6.

И далее автор выносит категоричное суждение, что «богослужение «нового стиля» произошло из двух источников: мистицизма хиппи и омирщвленного христианства».^[21] Новый стиль богослужения (Давидов стиль поклонения) кроме музыкальных новшеств обусловлен и зарождением новой доктрины о богослужении, о чем говорит В. Юнак:

Эта доктрина родилась в Новой Зеландии. Кевин Коннер (Kevin Conner), ссылаясь на стих о восстановлении скинии Давида в последнее время: «Потом обращусь и восстановлю скинию Давидову падшую, и то, что в ней разрушено, воссоздам, и исправлю ее» (Деян. 15:16; ср. Ам. 9:11), – обосновал новое учение о богослужении, которое вскоре было принято многими церквями как прогрессивное и истинное учение.^[22]

Итак, новый стиль богослужения характерен не только музыкальными нововведениями, но и богословскими обоснованиями. Но в 80-х–90-х годах наметилось целое движение слияния воедино литургических и современных форм богослужения трех направлений: харизматические католики, лютеране и представители других конфессий. Речь не идет о слиянии и единообразии, но о межцерковном, межденоминационном взаимообогащении.^[23] В свете краткой исторической справки очевидно, что отличия в литургии порождают несогласия между церквями чисто по внешним характеристикам, даже не вникая в богословский контекст, и служат ярким ориентиром для идентификации церкви.

^[21] Там же. С.7

^[22] В. Юнак. Богослужение празднования: PRO ET CONTRA // Протестантское богослужение: проблемы и перспективы. Заокская Духовная Академия, 2002. С.119.

3.2. Определение термина «литургия» (богослужение)

Слово *литургия* (*leitourgia*) (что дословно значит «общее дело») еще не прижилось в обиходе евангельских церквей и его использование даже вызывает некоторое недоумение и смущение верующих. Но в академических и научных евангельских кругах термин «литургия» воспринимается вполне адекватно. Тогда как, например, в православной среде лексема *литургия* для богословов является ключевым понятием, а жизнь церкви заключена в ней (литургии). Очевидно, что историко-богословский путь обозначил конфессиональные предпочтения по различным вопросам, в том числе и относительно церковного «словаря» и богослужебной практики.

А. Прилуцкий, отмечая неоднозначное понимание и использование термина «литургия» выводит (как он сам говорит) «несложную схему»:

1. Термин «литургия» используется наряду с термином «богослужение», при этом данные термины часто воспринимаются как равнозначные, с учетом некоторых особенностей и их использования.
2. Термин «литургия» не используется. Вместо него используется термин «богослужение».
3. Термин «литургия» настойчиво отвергается, заменен термином поклонение.^[24]

Как отмечено выше, использование терминологии сугубо зависит от конфессиональной традиции. В баптистской практике, например, более применимы термины *собрание*, *богослужение*, но не *месса* или *литургия*. Но А. Шмеман

^[23] Там же. С.120. Роберт Уэббер. С.123-125.

^[24] А. Прилуцкий. Литургия и теология Реформации. С.104.

принципиально подчеркивает, что термин «литургия» применим исключительно к христианскому контексту, и отличается от термина «богослужение», который может быть равнозначен культу (отделение сакрального от профанного), поскольку богослужение может относиться к любой религии.^[25] Понимание и использование обсуждаемого термина евангельскими церквами ориентированы на веками сложившуюся литургическую особенность в православной церкви, которая больше подчеркивает несовместимость взглядов, в силу того, что в широком смысле «литургия» используется как богослужение, а в узком «литургия» (евхаристическое богослужение с 4 века) и все подготовительные к ней службы суточного круга.^[26] Отсюда проистекает и весь чин православного богослужения. Это настолько сильная доминанта в межконфессиональном плане, что не позволяет некоторым евангельским церквам дерзнуть называть свои богослужения литургией. Один из пасторов баптистской церкви в радио-интервью заявил, что «В отличие от русской православной церкви, у нас нет литургии (выделено мной – С.С.), богослужений, а есть простая форма служения».^[27] Что значит нет богослужений, а есть простая форма служения? Здесь очевидно, что православный литургический опыт подавляет

представление о богослужении вне его границ. А Роберт Уэббер, автор книги «Поклонение прежде и теперь» использует термин «антилитургическое движение», как отказ от написанных молитв и установленных форм богослужения, угашающих истинный дух поклонения.^[28]

Итак, мы видим, что в использовании терминологии есть свои нюансы. Важно знать не только основное значение слова, но и возможные коннотации, держа в поле зрения историко-богословский контекст. Этот факт еще раз подчеркивает, что литургический аспект играет ключевую роль в самоидентификации церкви.

3.3. Литургия в действии

В самом начале важно отметить два типа богослужений: богослужение посредством таинств, где будет много символизма и каждое действие имеет значение и богослужение без таинств, более рациональное и эмоциональное. По этим характеристикам они имеют принципиальное отличие и определяют богослужебную канву. Для евангельского верующего, ориентированного на личные непосредственные отношения с Богом, понимание элементов богослужения (литургии), точнее их богословского или символического содержания,^[29] считается подчас излишним, второстепенным, да и нет в этом необходи-

^[25] См. А. Шмеман. Литургия и предание. – Киев, 2005. С.13.

^[26] Там же.

^[27] <http://zelbaptist.org/new/95>. По приглашению Зеленоградского интернет портала Zelenograd.ru пастор церкви Евангельских христиан-баптистов города Зеленограда Павел Николаевич Колесников принял участие в радио-интервью.

^[28] Роберт Уэббер. С.104.

^[29] «Протестанты отвергли средневековое богословие богослужения, но, вопреки, собственному стремлению вернуться к первоначальной традиции, на деле просто заменили его другим бого-

словием богослужения. И поэтому «литургия» в протестантских церквах остается функцией их богословской концепции и интерпретации. Положение это не изменилось и в процессе дальнейшего развития католического и протестантского богословия. Интеллектуальное или антиинтеллектуальное, либеральное или пиетистское, богословие не только оставалось внутренне независимым от богослужения, но и претендовало на то чтобы контролировать и формировать его в соответствии с законом веры». См. А. Шмеман. Богослужение и предание. С.10.

мости (кроме понимания смысла и значения крещения и причастия). Хотя при этом евангельские богослужения прочно подчинены сложившимся традициям и устоям. Несмотря на то, что евангельские богослужения подчинены рационально-эмоциональной модели, все же они многообразны и ориентированы на доминирующую цель. Например, баптистское богослужение сконцентрировано на «Христе обучающем». Если быть внимательным, то нетрудно заметить (из слов ведущих собрания, просьб молящихся, призывов проповедующих, по текстам гимнов и текстам из Писания над выходом «Иди и впредь не греш») доминанту богослужения – научение. Оно означает, что мы были в школе Христа и научались от Него при содействии Святого Духа через все, что слышали и видели, а далее предстоит все исполнить в жизни. В харизматическом богослужении будет другой акцент, хотя и научение присутствует. Важно отметить, что через формы богослужения доносятся основные богословские постулаты. Таким образом, люди могут неосознанно воспринимать то или иное учение, формировать мировоззрение, богословские позиции. И потому благодаря богослужебным собраниям они будут идентифицировать себя с этой церковью или наоборот.

Еще отметим, что литургия как никакая другая форма церковной жизни, есть тот момент, когда собирается вместе наибольшее количество людей. Они видимым образом актуализируют поместную церковь. В этой точке соединяется все многоцветие церкви. Поэтому мы можем говорить о *литургии как о самоидентификации церкви*.

Мы обратим внимание на два ключевых момента в евангельском богослу-

жении: священство всех верующих и проповедь (хотя их больше: молитва, пение, музыка, дикламации, общение), которые придают особый смысл богослужению (см. Лк. 4:16-21).

3.3.1. Всеобщее священство

Евангельское богослужение невозможно понять, не рассмотрев один из важных вероучительных моментов – священство всех верующих. Хотя на первый взгляд этого можно и не заметить. Но без этого принципа не могло и быть евангельского богослужения. Появление множества церквей, конфессий после Реформации явилось следствием принципа священства всех верующих. Понятие священства всех верующих стало означать то, что каждый верующий лично переживает общение с Богом и теперь непосредственно через молитву, Писание и Святого Духа воспринимает Божью спасительную благодать, активно и ответственно включается в служение и, таким образом, становится соучастником Божьего замысла. То есть верующий находится в прямом общении с Богом, независимо от церкви (не в смысле, что церковь теперь не нужна). Прерогатива священства как посредника между профанным и священным (мирянин не мог даже причащаться вином) утрачивает свои позиции. На передний план выходит личная роль и ответственность верующего человека. Происходит сглаживание границ между священниками и мирянами. А это непременно ведет к вовлеченности всех в дела церкви, особенно богослужения. В частности этот принцип отчетливо просматривается в богослужебной практике Евангельских Христиан-Баптистов, который провозглашает активное и неформальное участие всех верующих:

Апостол Павел пишет: «Когда вы сходитесь и у каждого из вас есть псалом, есть поучение...» (1 Кор.14:26). Эта фраза свидетельствует о том, что каждый из участников богослужебного собрания призван вносить свой вклад в его проведение. Все должны быть вовлечены в богослужебный процесс, так как каждый верующий является священником (1 Пет. 2:9).^[30]

Для евангельского верующего человека важны регулярные совместные богослужения, когда собрание как единое целое целеустремленно поклоняется Богу, при этом каждый прямо или косвенно вносит вклад в общее дело. И вот здесь кроется важная истина. Если вспомнить наши уровни самоидентификации, то мы говорили о важности духовной зрелости, как об основополагающем принципе стабильности церкви. На каждого верующего возлагается ответственность создавать духовный климат церкви. И как Дэвид Браун отмечает, что «Если человек не имеет *личного* опыта поклонения, скорее он не сумеет правильно пережить опыт участия в *совместном*».^[31] Именно в совместном поклонении (литургии) человек духовно обогащается, переживает то, что никогда не сможет пережить наедине (см. Мф. 6:1-18). Здесь, именно в богослужении, и происходит духовное единение верующих, как царственного священства, что ярким цветом выделяет *сущность церкви*.

3.3.2. Проповедь как научение и наставление

Священное Писание с момента Реформации занимает центральное место в

жизни церкви и конечно же в самом богослужении. Именно в результате Реформации по-новому открыли взгляд на Писание (*Sola Scriptura*) – появились переводы Библии на национальные языки народов Европы, стало возможным беспрепятственно читать Писание и слушать проповеди на родном языке. Это событие имело далеко идущие последствия. Кардинально изменилась самая суть богослужения. Служение алтаря, сакральные действия (таинства) уступили место служению Слова. По этому поводу Дэвид Бош говорит следующее:

Протестантская идея нашла выражение в *центральной месте Писания* для жизни церкви. Это означает *inter alia*, что слово выше образа, слух выше видения. Количество таинств резко сократилось и они заняли подчиненное положение по отношению к проповеди... Во многих протестантских церквях переместился и литургический центр, алтарь (или престол) сменился, кафедрой, занявшей центральное место.^[32]

В настоящее время в евангельском сообществе проповедь играет ключевую роль в богослужении. Вот как баптисты оценивают ее значимость:

Верность Слову Божию, присущая Евангельским христианам-баптистам, обуславливает особую роль проповеди в нашем богослужении. Именно проповедь является главной составляющей нашей богослужебной практики. Без библейской проповеди невозможно представить баптистского богослужебного собрания.^[33]

^[30] Отдел катехизации ЕХБ. Настольная книга пресвитера Т.1. – М. С.241.

^[31] Дэвид Браун. Трансформирующая проповедь. – Воронеж, 2003. С.72.

^[32] Дэвид Бош. Преобразование миссионерства. – СПб.: Библия для всех/Богомыслие, 1997. С.259.

^[33] Настольная книга пресвитера. – М. Т.1. С.243.

Писание, Библия (каноническая) является единственным священным^[34] предметом в распоряжении евангельского собрания. А поскольку евангельское богослужение лишено созерцательных моментов, то все внимание сосредоточено на слушании как самого Писания, так и на его интерпретации. Л. Гунько, говоря об особенностях послевавилонского богослужения, когда наряду с храмовым проводились служения и в синагогах, отмечает:

Постепенно происходит смещение акцентов от созерцания к назиданию, от наблюдения к слушанию. Причина этого состояла в том, что место храма постепенно занимают синагоги, а также возникает необходимость в истолковании библейского текста... По сути отход от созерцательной доминанты произошел потому, что созерцать стало нечего.^[35]

Библии отводится непререкаемый авторитет. Подчеркивая богодухновенность Писания, верующие по-прежнему расценивают его как обращение Самого Бога персонально к каждому человеку. Поэтому, когда произносится проповедь, в основе которой лежат библейские тексты, то это воспринимается как послание Свыше. В связи с этим на проповеднике лежит большая ответственность – донести библейские истины до слушателей. Иногда, как неосознанное явление, можно наблюдать перегиб в

сторону того, когда проповедь превращается чуть ли не в таинство, от которой, независимо от человеческого фактора, как бы соиздается духовная жизнь церкви.^[36] И все же сегодня все больше говорят о проповеди как об экзистенциальной встрече, как о событии, приносящем перемены в жизни людей и преобразования церкви. Н. Александренко отмечает, что «Бог встречает людей посредством проповеди и – спасает людей Своих (1 Кор. 1:21)... Новозаветная проповедь уникальна тем, что во время, когда она провозглашает жизнь, она дает жизнь».^[37] В созвучном ключе слова Джона Стотта подчеркивают актуальности проповеди Слова Божьего:

...Божье Слово сотворило Церковь. Можно сказать, что Божий народ возник, когда Божье слово достигло Авраама, чтобы был заключен завет между ним и Богом. Точно так же человеческая толпа стала телом Христа, исполненным Святого Духа, только в результате апостольской проповеди Божьего Слова, произнесенного в силе Святого Духа в день Пятидесятницы.^[38]

Вот где происходит преобразование жизни! «Вера от слышания, слышание от Слова Божьего». То есть, говоря иными словами, богослужение, в общем, и проповедь, в частности, есть место встречи человека с Богом, посредством Слова и при воздействии Святого Духа. Эта идея настолько сильно сегодня про-

^[34] Важно отметить, что в евангельском богослужении проводятся такие священные акты, как, крещение и причастие.

^[35] Л. Гунько. Динамика богослужебных доминант в эпоху Ветхого и Нового Заветов // Протестантское богослужение: проблемы и перспективы. Заокская духовная академия, 2002. С.93-94.

^[36] В одной баптистской церкви верующие жаловались на своего пастора, что он подолгу проповедует несколько раз в неделю и иногда его про-

поведь продолжается около часа всего для нескольких человек, в основном, пожилого возраста, которые неспособны принимать так много истин и в будущем осуществлять их.

^[37] Н.А. Александренко. Гомилетика. Семь шагов к проповеди. – Одесса: Богомыслие, 1997. С.12-13.

^[38] Джон Стотт. Я верю в проповедь. – СПб.: Мирт, 2006. С.118.

никала в сознание и ожидания людей, что ввиду этого не легко объяснить, где в богослужении проходит граница нашего участия, а где — Бога. Народ настроен на вмешательство Бога в преобразование их жизни посредством Слова, проповеди, как основной части литургии. Особенность проповеди заключается в том, что она несет в себе духовно-нравственный аспект. А это значит то, что богослужение будет продолжаться в течение недели. Христианин продолжает служить Богу своим трудом, построением отношений с близкими, постоянным общением с Творцом. Поэтому в проповеди должен быть сформулирован тезис, выстроена аргументация, приведены примеры и четко представлено применение. Слушатель должен однозначно понять о чем шла речь в проповеди и что Господь Бог ожидает от него лично.

В конечном итоге происходит то, что литургия выпестовывает, а затем тестирует и утверждает богословскую позицию; определяет состояние, имидж церкви и предлагает такие критерии и параметры веры, благодаря которым церковь способна отождествлять и самоидентифицировать себя, как новое творение.

Заключение

Итак, мы затронули актуальность вопроса идентификации относительно церкви вообще и, в частности, относительно церкви ЕХБ. В последнее время тема идентификации церкви ЕХБ стоит на повестке дня, что видно из материалов проходящих конференций, деловых встреч, публикаций. Мы убедились в том, что актуальность вопроса идентификации невозможно переоценить. Без

четкой идентичности невозможно само-сознание, мироощущение и самореализация. Не зная самой сути этого вопроса и его механизма можно впасть в панику, постоянно занижать самооценку, приобрести маргинальный комплекс. Необходимо знание того, что у Церкви во все времена был нелегкий путь. Кризисы времени постоянно делают ей вызовы. Жизненные проблемы и катаклизмы не обходят стороной Божий народ. В связи с этим церковь будет многократно переживать кризисы идентичности на самых различных уровнях. Это естественный процесс. Для того чтобы достойно представлять себя окружающему миру и быть влиятельной, церковь должна постоянно осмысливать свою идентичность, особенно в периоды кризисов. Литургия является самой напряженной точкой в жизни церкви, так как более всего находится под воздействием внешних и внутренних факторов и вместе с тем самой благословенной возможностью переживать преобразующее действие Бога в жизни людей. В литургии задействован максимальный состав местной церкви и таким образом происходит актуализация церкви, утверждается момент ее призвания. Поэтому необходимо совершать общественные богослужения на высочайшем уровне при могуществе Божьего влияния. Внешние формы литургии могут меняться (что не проходит безболезненно), но самая духовная суть должна быть неизменной. Только в этом случае церковь будет здоровой и сможет выразить свой порыв в совместном богослужении, благословения которого будут распространены на окружающий мир. Такая идентичность будет утверждающей, привлекательной и влиятельной!

Библиография

- Александренко, Н.А. Гомилетика. Семь шагов к проповеди. – Одесса: Богомыслие, 1997.
- Болотов, В. Собрание церковно-исторических трудов. Т.2 – М.: Мартис, 2000.
- Бош, Дэвид. Преобразование миссионерства. – СПб.: Библия для всех / Богомыслие, 1997.
- Браун, Дэвид. Трансформирующая проповедь. 2003.
- Вукашинович, Владимир. Литургическое возрождение в 20 веке. Христианская Россия, 2005.
- Майерс, Джеффри. Богослужение. Благодать литургии обновления завета. 2003.
- Мастерс, Питер. Богослужение библейское и современное. – Метрополитен Табернакл, 2001.
- Прилуцкий, А. Литургия и теология Реформации // Материалы научной конференции «Заокские чтения». Протестантское богослужение: проблемы и перспективы. Выпуск I. Заокская духовная академия, 2002. СС.100-106.
- Стотт, Джон. Я верю в проповедь. – СПб.: Мирт, 2006.
- Уэббер, Роберт. Поклонение прежде и теперь. – СПб.: Вера и святость. Библия для всех, 2003.
- Шмеман, Александр. Богослужение и предание. – М.: Паломник, 2005.
- Шмеман, Александр. Литургия и предание. – Киев, 2005.
- Шмеман, Александр. Введение в литургическое богословие. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1996.
- Юнак, В. “Богослужение празднования”: *pro et contra* // Материалы научной конференции «Заокские чтения». Протестантское богослужение: проблемы и перспективы. Выпуск I. Заокская духовная академия, 2002. СС.116-130.